

УДК 94

В.В. ГУДИМЕНКО

(gudimenkovaleria2020@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**РОЛЬ УЧИТЕЛЯ В ГИМНАЗИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(XIX – начало XX века)***

Рассматривается роль учителя в гимназии Российской империи во второй половине XIX – начале XX в., в первую очередь как социокультурного феномена, сочетающего три ипостаси: воспитателя элиты, высококвалифицированного преподавателя и государственного чиновника. Реконструируются правовой статус, материальные условия, профессиональные функции и повседневная практика гимназического учителя. Раскрываются механизмы контроля, требования к благонадёжности, а также формы взаимодействия с родителями.

Ключевые слова: гимназия, учитель, чиновник, благонадёжность, педагогическая культура, социальный статус.

Актуальность исследования определяется двумя взаимосвязанными причинами. Во-первых, гимназический учитель второй половины XIX в. – это не просто педагог, а посредник между государством и обществом. Он одновременно воспитывал будущую элиту, служил чиновником и нес идеологическую нагрузку, которую на него возлагала власть. Понять, как эти три роли уживались в одной профессии, значит проникнуть в суть образовательной политики империи и увидеть, как формировалась интеллигенция, ставшая «локомотивом» культурных и социальных изменений. Сегодня, когда в общественном дискурсе вновь обсуждаются вопросы статуса учителя, его социальной защищенности и профессиональной автономии, обращение к историческому опыту становится значимым как никогда. Учитель гимназии жил в условиях жесткой регламентации, но при этом часто находил пространство для педагогического творчества, а его ежедневная практика от составления характеристик учеников до участия в родительских собраниях содержит решения, которые остаются, на наш взгляд, удивительно современными. Исследование роли учителя безусловно позволяет обогатить современный дискурс о том, каким должно быть взаимодействие школы, государства и семьи. И в этом смысле история гимназического учителя поистине живой ресурс для осмысления профессии, которая и сегодня стоит на границе служения и призвания.

Исследование роли гимназического учителя в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. является устойчивым направлением в отечественной историко-педагогической науке. Классические работы Ш.И. Ганелина [3] и Н.А. Константинова [7] заложили основу для анализа структуры и содержания среднего образования, однако вышеперечисленные ученые изучали преимущественно институциональный уровень, а не на личность педагога. Существенный вклад в изучение социального статуса учительства внёс С.В. Рождественский, описавший эволюцию правового положения и карьерных траекторий педагогов в контексте государственной политики [9].

Начиная с 1990-х гг. наблюдается смещение фокуса к социокультурному и антропологическому подходам. В диссертации Е.А. Казановой учитель гимназии рассматривается как социально-профессиональная группа, сочетающая три ипостаси:

1. воспитателя элиты;
2. высококвалифицированного преподавателя;
3. государственного чиновника [6].

Эта «триада» получила дальнейшее развитие в работах Н.В. Зубкова и М.А. Гончарова, подчеркивающих материальную нестабильность и бюрократическую регламентацию учительского труда при формальной «чиновничьей» защищённости [4, 5].

* Работа выполнена под руководством Гаврилюка И.Л., доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

В последние годы в историографии усилился интерес к повседневной практике и микросоциальным связям учителя. Исследования Л.В. Бариновой показывают, как в регионах складывалась корпоративная культура, строились отношения с родителями и земствами, а также как воплощались в быту требования «благонадёжности» и профессиональной этики [1]. Важно, что в работах А.А. Прохоренкова и Е.А. Цзян на основе архивных и мемуарных источников реконструируется живой образ учителя в первую очередь как субъекта образовательного процесса, а не только функционера системы [8, 12].

Таким образом, современная историография демонстрирует переход от формально-административного описания к пониманию учительства как довольно-таки сложного, со своей спецификой социокультурного феномена, находившегося на пересечении государственной политики, профессиональной этики и повседневной жизни.

Учитель гимназии во второй половине XIX – начале XX в. формально рассматривался как государственный чиновник, что определяло его и правовой статус, и социальную роль, и систему карьерных перспектив. Назначение на должность сопровождалось принесением присяги на верность престолу, подписанием присяжного листа и обязательством соблюдать уставы и циркуляры Министерства народного просвещения [4, с. 129; 6, с. 161]. Согласно «Табели о рангах», учителя включались в гражданское чиновничество: старшие преподаватели, как правило, состояли в VIII классе (чин коллежского асессора) или IX классе (титулярный советник). Директор гимназии соответствовал V классу (статский советник), инспектор – VI классу (коллежский советник), а классные наставники и младшие учителя – VIII–IX классам [Там же, с. 162]. Получение IX чина давало учителю право на личное дворянство, однако оно не включало его ни в состав дворянских собраний, ни в сословное управление и распространялось только на жену.

Учителя гимназий пользовались широким набором прав и льгот, типичных для государственных служащих. В первую очередь, они имели право на пенсионное обеспечение: при 25-летней службе пенсия составляла 100% оклада, при 20 годах – 2/3, при 15 – 1/3 оклада. Это было более выгодным условием по сравнению с другими ведомствами, где полная пенсия назначалась лишь после 30–35 лет службы [Там же, с. 163]. Больше того, учителя были освобождены от действительной воинской повинности по Уставу 1874 г., что подчеркивало их статус как служащих государственной образовательной сферы [8, с. 150]. Многие преподаватели получали казённую квартиру при гимназии или прогимназии – в первую очередь это касалось классных наставников и помощников [4, с. 133]. Нередко условия проживания были скромными: комната в школьном здании, слабо изолированная от классов, что ограничивало личное пространство и мешало ведению частной жизни [5, с. 47].

Также учителя пользовались правом на бесплатное обучение своих детей: сыновья – в мужских гимназиях и реальных училищах, дочери – в женских гимназиях и институтах ведомства Министерства народного просвещения или ведомства императрицы Марии [12, с. 72].

Таким образом, статус гимназического учителя сочетал в себе элементы чиновничьей стабильности и интеллигентской миссии: он был одновременно служащим империи и носителем культурной миссии, что обеспечивалось системой гарантий со стороны государства.

Обязанности и ограничения, налагаемые на гимназического учителя, были строго регламентированы государством. Мы ранее писали, что при поступлении на службу он обязан был принести присягу на верность престолу и подписать присяжный лист, что подчеркивало его статус государственного чиновника [Там же]. Учитель также давал письменные обязательства о неблагонадёжности – в частности, о том, что не состоял и не будет состоять в тайных обществах и не участвовал в политической деятельности [12, с. 69]. Запрет на политическую деятельность был абсолютным: увольнение за «политическую неблагонадёжность» могло последовать даже за участие в издании газет или чтение публичных лекций, если это «причиняло ущерб педагогической деятельности» [6, с. 172]. Также пристальное внимание уделялось и внешнему облику педагога: с 1896 г. для гражданских чиновников учебного ведомства, включая учителей гимназий, была введена единая форменная одежда – темно-синий сюртук

с треугольной шляпой и шпагой гражданского образца [4, с. 130]. Форма не только подчеркивала чиновничий статус, но и служила инструментом идентификации личности педагога.

Требования к благонадёжности охватывали три сферы: политическую, нравственную и религиозную [5, с. 17]. Проверка проводилась по циркуляру министра народного просвещения Д.А. Толстого от 10 ноября 1879 г., который обязывал учебные округа запрашивать сведения о кандидатах в учителя у губернаторов «о политической благонадёжности и нравственных качествах лиц» [13]. Отсутствие «достоверных сведений» могло стать основанием для отказа в назначении. Помимо этого, учителю полагалось быть религиозным, поскольку воспитание строилось на «богопочтении и вере», а нравственное поведение контролировалось не только администрацией, но и местным духовенством, волостными писарями и даже соседями. В случае подозрений в неблагонадёжности за учителем устанавливался полицейский надзор, а при увольнении он мог подать ходатайство о реабилитации – но даже в случае восстановления на службе оставался под постоянным контролем [6, с. 173].

Учителя гимназий второй половины XIX в., как правило, обязаны были иметь университетское образование. Согласно Уставу гимназий 1864 г., на должности преподавателей наук и языков назначались лица, «имевшие одобрительные аттестаты об окончании полного университетского курса» [10]. Фактически, преподавателями гуманитарных и естественных дисциплин становились выпускники историко-филологических или физико-математических факультетов [8, с. 150]. Различия между столичными и провинциальными гимназиями проявлялись в качестве педагогического состава: в столичных гимназиях (например, в Петербурге и Москве) преподавали преимущественно выпускники местных университетов – так, в 1899 г. более 50% светских учителей Первой Санкт-Петербургской гимназии имели дипломы только Санкт-Петербургского университета [Там же, с. 151]. В провинции же нехватка квалифицированных кадров приводила к тому, что учителями становились выходцы из духовных семинарий, историко-филологических институтов или даже лица без высшего образования, особенно в сельских и уездных школах [6, с. 162; 5, с. 17].

После введения института классных наставников Уставом 1871 г. их основной обязанностью стало «попечение об успехах и нравственности учеников вверенного каждому из них класса» [11]. Конкретные функции включали:

1. контроль за посещаемостью и своевременным приходом учеников на уроки;
2. руководство выбором книг для домашнего чтения с целью формирования нравственного вкуса и предотвращения чтения «вредных» произведений;
3. сопровождение учеников на переводных и выпускных экзаменах для предоставления сведений об их учебных и нравственных качествах;
4. составление письменных характеристик на каждого ученика, в которых фиксировались успеваемость, поведение, индивидуальные особенности и рекомендации по воспитанию – эти документы не только представлялись педагогическому совету, но и обсуждались с родителями [6, с. 174].

Классный наставник также был обязан регулярно отчитываться перед директором и инспектором о моральном и умственном состоянии своего класса, а его деятельность находилась под постоянным надзором администрации [12, с. 72].

Следовательно, нетрудно догадаться, что учитель гимназии зачастую воспринимался как «преподаватель-чиновник», т. е. исполнитель уставных предписаний, чья роль сводилась к передаче канонизированного знания и поддержанию дисциплины. Однако уже со второй половины века, в частности после реформ 1860-х гг., в педагогической среде набирает силу идеал «настоящего педагога», ориентированного на развитие личности ученика. Этот переход поддерживался как государственной политикой (Устав 1864 г. допускал гибкость в преподавании), так и профессиональной самоорганизацией учителей. Воспоминания выпускников и коллег, например, Е.В. Белявского и П.Н. Полевого, показывают, что лучшие педагоги стремились к творческому подходу: составляли собственные программы, использовали наглядные пособия, вводили опытно-экспериментальные задания. Распространялась индивидуализация обучения – учителя учитывали способности и интересы учеников. Активно развива-

лась внеклассная работа: кружки (литературные, естественнонаучные), театрализации, музыкальные вечера, пешеходные и музейные экскурсии [2].

До 1860-х гг. методы поддержания дисциплины были жёсткими и телесными: карцер, розги, унижающие наказания. Однако с распространением гуманистических идей К.Д. Ушинского, Н.И. Пирогова и В.Я. Стоюнина происходит постепенный сдвиг в сторону морально-психологических методов. Устав 1864 г. официально отказался от телесных наказаний в гимназиях, и в практике передовых педагогов доминировали убеждение, личный пример, поощрение и доверие [10]. Классные наставники следили не только за внешним порядком, но и за «нравственным состоянием» класса, стремясь к тому, чтобы ученик внутренне принимал нормы поведения. По свидетельству учителей и воспитанников, хорошее поведение теперь поощрялось публичным признанием, доверием (например, поручением вести дневник класса), а не страхом. Тем не менее, в провинциальных и казённых гимназиях устаревшие методы сохранялись дольше, тогда как в столичных и частных учреждениях уже к 1880-м гг. сформировалась атмосфера, где дисциплина основывалась на взаимном уважении [12, с. 73].

Элементом педагогической практики во второй половине XIX в. стало систематическое взаимодействие с семьёй. В частных гимназиях, по данным Л.В. Бариновой, это достигало высокого уровня: проводились регулярные родительские собрания, лекции по педагогике и психологии, публичные отчёты, приглашали родителей на спектакли и экзамены. Учителя вели индивидуальные беседы, составляли подробные характеристики учеников и обсуждали их с родителями, подчёркивая необходимость конфиденциальности и такта. В столичных гимназиях (например, в Московской гимназии Л.И. Поливанова) директора сознательно выстраивали с семьёй отношения доверия, видя в ней союзника в воспитании [1, с. 15–16]. В провинции, как отмечает Н.В. Зубков, практика была менее системной, но и там учителя стремились к контакту особенно через классных наставников, которые контролировали поведение учеников не только в школе, но и «в общественных местах, на улице». Родителям раздавали памятки с правилами поведения, просили подписывать обязательства о надзоре за детьми дома, а в случае проступков – приглашали для совместного обсуждения мер [5, с. 175–177].

Таким образом, исследование роли учителя в гимназии Российской империи в XIX – начале XX в. показывает, что эта фигура была не просто носителем педагогической функции, но и социокультурным феноменом, находившимся на пересечении государства, общества и семьи. Учитель гимназии сочетал в себе три ипостаси: государственного чиновника, высококвалифицированного преподавателя и воспитателя будущей элиты. Эта триада определяла как его правовой статус, так и повседневную практику.

Как чиновник, учитель подчинялся «Табели о рангах», получал личное дворянство, пользовался льготами – пенсиями, освобождением от воинской повинности, казённой квартирой и правом на бесплатное обучение детей. Вместе с этим он нес жёсткие обязательства: присягу на верность, запрет на политическую деятельность, подчинение требованиям благонадёжности, причем как политической, так и нравственной и религиозной. Его внешний облик регламентировался форменной одеждой, а профессиональное поведение циркулярами и уставами, вплоть до полицейского надзора в случае подозрений. Как преподаватель, он обладал университетским образованием, предметными знаниями и, всё чаще со второй половины XIX в., стремлением к педагогическому творчеству. От «преподавателя-чиновника», механически передающего программу, он постепенно превращался в «настоящего педагога», в того педагога, который индивидуализирует обучение и организует кружки, экскурсии, театрализации и внеклассные мероприятия.

Как воспитатель, учитель выполнял функции классного наставника: контролировал поведение, подбирал книги, сопровождал на экзаменах и составлял подробные характеристики учеников.

Итак, учитель гимназии был одновременно инструментом государственной идеологии и носителем интеллигентской культуры, служащим империи и при этом стремящимся к педагогическому призванию. Его роль не может быть сведена к одной плоскости – она включала службу, служение и творчество. Именно это сочетание делает его фигуру значимой как для историко-педагогических исследований, так и для современных дискуссий о социальном статусе учителя, его правах, ответственности и месте в системе образования.

Литература

1. Барина Л.В. Историко-педагогический опыт взаимодействия учителей и родителей в педагогическом процессе отечественных гимназий второй половины XIX века: автореферат дисс. ... канд. пед. наук. Воронеж, 2022.
2. Белявский Е.В. Педагогические воспоминания. 1861–1902. М.: Ред. журнала «Вестник воспитания», 1905.
3. Ганелин Ш.И. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века. М.: Учпедгиз, 1954.
4. Гончаров М.А. Социально-правовой статус и материальное положение учителей гимназий в России XIX в. // Наука и школа. 2011. № 5. С. 129–137.
5. Зубков Н.В. Учителя средних и начальных школ в конце XIX – начале XX в. М.: Новый хронограф, 2010.
6. Казанова Е.А. Учительство средней школы как социально-профессиональная группа в русском обществе второй половины XIX века: дисс. ... канд. пед. наук. М., 1996.
7. Константинов Н.А. Очерки по истории средней школы: гимназии и реальные училища с конца XIX в. до февральской революции 1917 г. 2-е изд., испр. и доп. М.: Учпедгиз, 1956.
8. Прохоренков А.А. Российский учитель второй половины XIX века (на примере Первой Санкт-Петербургской гимназии) // Вестник герценовского университета. 2010. № 1(75). С. 148–155.
9. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902. СПб.: Государственная типография, 1902. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/istoricheskijobzordejatelnostiminister72> (дата обращения: 12.01.2026).
10. Устав гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения. СПб., 1864. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/rossijaministerstvonarodnogoprosveschen92> (дата обращения: 12.01.2026).
11. Устав гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения. СПб., 1871. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20220625082410/http://музейреформ.рф/node/13668> (дата обращения: 12.01.2026).
12. Цзян Е.А. Учитель русской гимназии: социкультурный аспект // Идеи и идеалы. 2012. Т. 2. № 2. С. 64–78.
13. Циркуляр Министерства народного просвещения № 12267 от 10 ноября 1879 г. // Самарские губернские ведомости. [Электронный ресурс]. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book460261/#page/1/mode/1up> (дата обращения: 15.11.2025).

VALERIYA GUDIMENKO
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE ROLE OF TEACHER IN THE GYMNASIUM OF THE RUSSIAN EMPIRE (XIX – the beginning of the XXth century)

The role of teacher in the gymnasium of the Russian Empire in the second half of the XIXth century – the beginning of the XXth century, firstly as a sociocultural phenomenon, combining three hypostases: the educator of the elite, the highly experienced teacher and the state official, is considered. The legal status, material conditions, professional functions and the every-day practice of gymnasium teacher are reconstructed. The control mechanisms, the requirements to trustworthiness and the forms of cooperation with parents are described.

Keywords: *gymnasium, teacher, public official, trustworthiness, pedagogical culture, social statute.*